

**Всероссийская олимпиада школьников
по литературе**

**Муниципальный этап
7-8 класс**

**Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 180 минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля. Максимальное количество баллов – 100.

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа С. Жатина «Танец с саблями».

При анализе можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

1. *Какую роль играет диалог в рассказе?*
2. *Как соотносится мир взрослых и мир Федора?*
3. *Как вы понимаете финал рассказа и его название?*
4. *Почему повествование выстроено от первого лица?*

Количество баллов – 70.

«Вот что, Фёдор, если ты не будешь вести себя как следует, я скажу твоим родителям, что у тебя есть талант».

Я очень люблю свою маму. И папу тоже очень люблю.

Он такой умный, сильный, смелый, и при этом, как говорит мама, необыкновенно культурный и воспитанный человек.

Иногда, по словам родителей, я веду себя, прямо скажем, не очень хорошо, а бывает, что и совсем плохо.

Кстати, давайте познакомимся. У меня много имён. В основном меня зовут Федя, мама иногда называет меня – Фёдор.

Бабушка – Феденька, дядя Коля – Федот, а папа, особенно когда чем-то недоволен, - Фрэд.

Мы живём в Санкт-Петербурге, культурной столице нашей Родины.

Поэтому, наверное, мы все такие культурные. Ну, или почти все.

Мне восемь лет, я очень люблю читать и смотреть кино, и как говорит бабушка, у меня прекрасно развит речевой аппарат.

Хотя, если честно, никакого такого аппарата у меня нет, а есть только фотоаппарат, подаренный на день рождения в прошлом году.

Вообще-то, я стараюсь вести себя хорошо, но бывает всякое.

Так, например, в один прекрасный день, папа с мамой о чём-то подозрительно долго шушукались, а потом мама ко мне подошла, погладила по голове, и говорит такая взволнованная:

«Фёдор, мы с папой хотим подарить тебе братика, или сестричку.

Нас очень интересует, что ты скажешь по этому поводу».

И стоит рядом, ждёт моего ответа.

Надо сказать, что она у нас очень нервная, и чуть что, сразу начинает рыдать, или, как говорит папа, кричать нечеловеческим голосом.

Я немного подумал, как учил меня папа, и сказал:

«Знаешь, мама, мне кажется, что есть много других вещей, в которых мы нуждаемся гораздо больше».

Что тут началось.

Натуральный «Танец с саблями» знаменитого композитора Арама Хачатуряна, если быть кратким.

Я так говорю, потому что учусь в музыкальной школе, и кое-что знаю про музыку и музыкантов.

Второй год учусь играть на виолончели, и, между прочим, добился некоторых успехов.

Когда шум и волнение немного улеглись, и дома уже почти наступила спокойная обстановка, ко мне подошёл папа, смущённо пряча за спиной свой ремень, и так многозначительно сказал: «Вот что, Фрэд, нам надо серьёзно поговорить».

Ого, если папа называет меня Фрэд, значит, дело действительно серьёзное.

«Да, папа, слушаю тебя очень внимательно», - так спокойно ему отвечаю.

«Помнишь, я говорил тебе, что перед тем, как что-то сказать, надо сначала немного подумать?» «Да, конечно».

«Так о чём же ты, интересно, думал, перед тем, как заявить такое маме?»

«На этот вопрос я решил не отвечать, на всякий случай».

«Федя, я очень хочу, чтобы ты относился к маме бережно, чутко, и с пониманием».

Общение с близкими, родными людьми должно доставлять удовольствие. Удовольствие, понимаешь? Обещай мне подумать над этим. В противном случае, я буду вынужден тебя сурово наказывать, хотя поверь, мне это будет очень неприятно». И на ремень свой показывает, ещё более многозначительно.

Тут я опять немного подумал, посмотрел на ремень и сказал так:

«В таком случае, папа, кому ты ЭТИМ хочешь доставить удовольствие?» Эта история произошла в начале сентября, в самом начале учебного года.

Каникулы закончились, и опять начались занятия в школе, в обычной и в музыкальной.

Кстати, через день после того памятного разговора, я подошёл к маме и сказал:

«Знаешь, мама, я тут подумал, по-моему, это отличная идея с братиком, или сестричкой. Приступайте к осуществлению плана, возражений нет».

Мама, понятное дело, опять заплакала, на этот раз от радости.

«Ой, - говорит, - я так рада, Фёдор, спасибо тебе большое».

«Да ладно, - говорю, - не стоит благодарности».

«Только, вот что, давайте сразу договоримся, что в мою игровую приставку и компьютерные игры, он, или она, будут играть только с моего разрешения».

«Это я тебе могу гарантировать», - как-то подозрительно легко согласилась мама.

И следом за этим потянулись суровые будни.

Утренний подъём, школа общеобразовательная, дом, стремительный обед на ходу, марш-бросок в школу музыкальную, занятия по сольфеджио или на инструменте, дом, домашние задания, сон, и опять всё сначала. Да ещё и иногда на шахматы приходилось ходить, ведь они так способствуют всестороннему развитию личности.

Конечно, не каждый день была такая чехарда, а примерно через день, но и этого было достаточно, чтобы устать уже через первые две недели. Сплошная беготня и нервогрёпка, как говорит папа. Так набегаешься и назанимаешься за день, что к вечеру еле ноги таскаешь...

Когда мама не могла отвезти меня в музыкалку на машине, приходилось добираться самому, на общественном транспорте.

Вот вы когда-нибудь пробовали втиснуться в переполненный автобус с виолончелью за плечами (она переносится в чехле с лямками, как у рюкзака)?

Попробуйте как-нибудь, чтобы осознать всю прелесть жизни начинающего музыканта.

Хорошо ещё, если поможет кто-нибудь, а то, в основном, всё шутки-прибаутки.

«Видишь, мальчик, нужно было учиться играть на флейте», – это самое безобидное, что иногда приходилось выслушивать от пассажиров.

Взрослые люди, называется, никакого понимания.

Ну, и конечно, как-то раз, дал маху, как говорится.

Приехал в музыкальную школу, почти не опоздал, и тут вдруг выясняется, что в этой постоянной спешке и суматохе я забыл дома сменную обувь и тетрадь с домашним заданием.

«Вот что, Фёдор, если ты не будешь учиться и вести себя как следует, я скажу твоим родителям, что у тебя есть талант».

«Мало того, что ты опоздал, так ты ещё и не сделал домашнее задание».

Так, непритворно сокрушаясь, сказал мне мой преподаватель Анатолий Ильич.

Насчёт таланта, он, разумеется, пошутил, но, как иногда говорит мой папа: «В каждой шутке есть доля шутки».

Тут я немного подумал, вспомнил, что говорил мне папа, и сказал:

«Говорите, если это доставит Вам удовольствие, Анатолий Ильич».

Но вместо удовольствия, на его лице появилось какое-то обиженное выражение, и я понял, что ляпнул что-то не то.

«Чего это он,- подумал я,- ведь я же хотел как лучше».

Пообещав преподавателю хорошенько подумать над своим поведением, позанимавшись игрой на виолончели, я отправился домой.

Добрался кое-как до дома, усталый и голодный, и сижу такой за письменным столом, думаю над своим поведением, и над

своей жизнью вообще, которая превратилась в сплошной «Танец с саблями».

Тут подошла мама, и говорит: «Ты чего такой грустный, двойку, что ли получил?»

«Получил, - говорю, - конечно».

«А за что?»

«Знаешь, мама, я стараюсь такие вещи не запоминать».

«Встань, пожалуйста, Фёдя» сказала мне мама, как-то взволновано.

«Начинается», - пронеслось в моей голове.

И я встал, приготовившись к самому худшему.

А она просто обняла меня, и прижала к себе, крепко-крепко.

«Бедный мой мальчик, совсем мы тебя замучили».

И мы простояли так, молча, целую минуту, одну из лучших в моей жизни. Не прошло и года, как у меня появился не только братик, но и сестричка.

«Очаровательные близнецы», как метко заметил папа, с присущей ему наблюдательностью.

«Посмотри, как он бережно и любяще прижимает их к себе», - не сдерживая слёз, прошептала мама папе, когда вернулась домой с двумя непрерывно орущими краснолицыми младенцами, которых мне ненадолго дали подержать.

А я просто боялся их уронить.

Задание 2.

Вспомните произведения, посвященные временам года, созданные в разных видах искусства. Нарисуйте в своем листе ответов таблицу и заполните её. Укажите автора и название произведения.

	Литература	Музыка	Живопись
Весна			
Лето			
Зима			
Осень			

Количество баллов – 30.

**Всероссийская олимпиада школьников
по литературе**

Муниципальный этап

9 класс

Инструкция по выполнению работы

Время выполнения работы – 270 минут.

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 100.

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа Ирины Лукьяновой «Эффект иризации».

При анализе можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

5. *Как организована система образов рассказа? Как строятся отношения главной героини с окружающими: одноклассниками, родителями?*

6. *Как в жизни героини соотносятся жизнь в школе и вне школы?*

7. *Как вы понимаете финал рассказа и его название?*

8. *Почему повествование выстроено от первого лица?*

Количество баллов – 70.

- Ирка, - заорал он. – Ирка, Ирка.

- Убью, - безнадежно подумала я. – Но меня не оправдают.

- Ирка, - подключились остальные.

Я подождала, пока они задействуют весь репертуар. Задействовали.

- Лукьяшка-обезьяшка! Их было восемь, и они радостно плясали танец дикарей вокруг меня одной.

- Я вас сейчас... - закричала я, - Я не знаю, что с вами сделаю.

- А что ты мне сделаешь, - сказал Рощупкин. - Укушу, сказала я. Он протянул мне руку: – Кусай! Я хладнокровно взяла его руку и укусила.

- Психичка! - они разбежались в разные стороны.

Я шла домой и думала о том, что я не хочу быть собой. Не хочу быть маленькой – они дразнят маленьких. Не хочу быть Ирккой – они за это дразнят. Не хочу быть Лукьяновой. Я хочу быть Машей, в нашем классе нет ни одной Маши, а Ирок две, и Лукьяновых две, я и сестра, и нас все время путают с Лукьянцевым и двойняшками Лазурскими. Я хочу быть Лазурской: лазурь – это прекрасный цвет, в конце концов, сплошная лазурь и никаких обезьяшек.

Я шла из школы, пиная облезлым носком коричневого ботинка сплюсненную консервную банку. Она гремела и скакала по выбоинам серого асфальта, пока не плюхнулась в лужу. По луже среди бензиновых разводов, золотых, малиновых и сине-зеленых, плыли рваные облака. Я остановилась и загляделась на бензиновые разводы. Тоненькая радужная пленка беззвучно струилась, расплывалась. Раздувались и лопались большие и маленькие круги. По луже плавала сама красота, но никто вокруг этого не понимал. Коричневая бабка у подъезда говорила другой бабке, темно-серой:

- Я домой ехала, зашла к ним, сметана есть! А я без банки, без бидона, без ничего! Пока домой за банкой ходила – прихожу, а сметаны уже нету! Ну вот как так?

За оградой детсада ходили нелепые дети – в некрасивых пальто и колготках гармошкой, в толстых рейтузах. Дети пищали и дрались,

воспитательницы в стороне степенно беседовали о чем-то своем. Только одна девочка встала у забора и выпускала из-за него на улицу мыльные пузыри. Они вились чередой, легкие и вольные, переливаясь от желтого к малиновому, от зеленого к фиолетовому. Они вылетали из-за забора детсада – и уносились куда-то к балконам пятиэтажек, к голым веткам американских кленов, к лохматым облакам ноябрьского неба. Одни пузыри распадались с неслышным «пхх», теряя цвет и объем, другие терялись в бледнеющем солнечном блеске.

Вчера уже шел снег. Потом он растаял, и сегодня прояснилось, но это был уже последний день перед зимой. Перед пятью месяцами сибирской зимы: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март. Я прошла мимо детсада, четко стуча сапогами по асфальту и вздернув нос, – всем своим видом стараясь показать, что я уже ученица второго «бэ» класса. Не то чтобы меня это очень радовало. Но показать малявкам, кто тут самый большой, конечно, надо. Девочку с пузырями это совсем не впечатлило. Она просто выдула новую струйку пузырей, и они наперегонки поскакали к верхушкам кленов.

Я совсем не любила быть второклассницей. Я любила быть ничейной девочкой на каникулах, бабушкиной внучкой, которая сидит в ярко-зеленой траве под яблоней и ест розово-полосатое яблоко, упавшее с грушовки. Я любила выдергивать малиновые, почти сиреневые, цветки из пушистых соцветий флоксов и обсасывать их сладкие кончики. Я любила смотреть на желтые головы золотых шаров на фоне синего неба и обрывать лепесток за лепестком золотой шар, пока от него не останется куча желтых лепестков, мал-мала меньше, и голая зеленая лысинка на стебле. Я любила смотреть на кувшинки и водяные лилии, на огромных темно-синих и тонюсеньких голубых стрекоз. Любила бабочек и мотыльков – от огромных махаонов до милых голубянок, от страшноватых шумных бражников до тихих ночных бабочек, носивших белые шубки в черный горошек. Горошек, да. Душистый

горошек – белый, сиреневый, малиновый, фиолетовый. Зеленый горошек – молодой и нежный, в толстых стручках. Белый червяк в самой маленькой горошине.

Лето разворачивалось в моей голове само собой, слово за словом, запах за запахом, цвет за цветом – стоит только потянуть за краешек, и оно само вылезает, пестрое, счастливое и душистое, как нарядное платье Золушки из расколотого орешка (как же мы все любили «Три орешка для Золушки»!). Вылезает, разворачивается всей своей радугой и говорит: смотри, я с тобой. Смотри, весна скоро придет.

Я пришла домой, согрела в маленькой кастрюльке борщ на плите. Малиновый, веселый, жизнерадостный борщ. Сестра ушла в художку. Зазвонил телефон.

- Это зоопарк? Позовите, пожалуйста, обезьяшку!

- Обезьяны – приматы, и с баранами не разговаривают!

А вот, кстати, надо переложить мои летние сокровища из книг и салфеток в резную шкатулочку. Синие, голубые, зеленые стеклышки с моря, обкатанные, как галька. Дохлая стрекоза-коромысло с трещащими, прозрачными крылышками («охота же пакость такую тащить», сказала мама). Золотые-зеленые, волшебные-изумрудные крылья жукабронзовки. Они переливаются, как мыльные пузыри, как павлиньи перья, как радуга, как счастье.

Я знаю, что счастье – вот такого цвета. Однажды мы с папой на закате видели такие облака. Они были ярко-белые, а по краям цветные – радужные.

«Это иризация», - сказал папа. А дома показал, как из призмы получить радугу. В роли призмы бабушкина треугольная настольная статуэтка с резной Спасской башней. Из папы я за прогулку вытянула что могла, а дальше у меня была Детская энциклопедия в десяти томах и Советская энциклопедия в тридцати с чем-то.

Уроки я делала быстро. Оказалось, что счастье – это физический эффект. Один и тот же для всех: для радуги в небе, для крыльев тропических бабочек и золотых жуков, для бензиновых разводов на

луже и мыльных пузырей, для облаков и маминых бисерных бус. Мне стало скучно. Так скучно, как будто ты спрашиваешь фею-крестную, можно ли тебе поехать на бал, а она отвечает, что существовавшая в великосветском обществе традиция балов окончательно прервалась в 1917 году, и хотя с тех пор неоднократно предпринимались попытки ее возобновления, считать их удачными вряд ли возможно.

- Эх ты, счастье, - говорила я ему, разглядывая пену на губке, когда мыла посуду. - Тебя нет, ты просто физический эффект.

- Да, Ирочка, - отвечало мне счастье. - Я физический эффект иризации.

- Иризации? - спрашивала я. - Превращения всего в Ир?

- Конечно! - хохотало счастье, лопааясь и исчезая.

Энциклопедия рассказывала, что Ирис, или Ирида, - это богиня радуги, а цветок ирис назван в ее честь, а эффект иризации, или иридисценции, наблюдается у некоторых минералов: например, лабрадорита и опала.

- Пап, а помнишь, мы в Москве летом где-то видели лабрадорит? - крикнула я папе на кухню.

Папа ставил чайник.

- Какой лабрадорит?

- Ну такой минерал черный с синими радужными глазами.

- А, на Мавзолее!

- Не, мы в Мавзолее не ходили.

- Ну не помню. Может, в метро где-нибудь?

Надвигалась сибирская зима: белый снег, серое небо, черные ветки. Черные заводские трубы, серые дома, серый снег. Черный снег, черная дорога, черное небо.

- Иризируй! - смеялась надо мной пена в ванной.

- Иризируй! - говорили пуговицы на мамином платье, переливаясь павлиньим хвостом.

Мир смотрел на меня радужными глазами лабрадорита. Скоро пошел снег, но снежинки мигали опаловыми огнями. Наступил новый год, и он таинственно моргал цветными гирляндами и отражался в цветных зеркальных боках елочных шаров. Начался февраль, но он оказался полон белых кружевных бабочек на фиолетовом небе. А март выкатил мне навстречу голубые тени - глубоко голубые, как айсберги у берегов Антарктиды. Я видела в энциклопедии. А потом пришла весна - и тоненькие штрихи зеленой травки на жирной черной земле вдоль теплотрассы у детсадовского забора. И желтенькая мать-и-мачеха на пригорке. А потом уже - во весь цвет, во всю ширь, во всю радугу: весна, весна. А значит, дожили, значит, скоро лето, скоро бабушка, скоро счастье.

- Лукьяшка, Лукьяшка, Лукьяшка-обезьяшка! - кричит Рошупкин.

- Рошупкин, - говорю я, - смотри, там радуга. Вон там - видишь?

Я иризирую пространство. Я превращаю все в Ир: в радужные, веселые, нестойкие контуры. Нет, я знаю, эффекта надолго не хватит. Но я еще не выяснила, отчего так волшебны золотые звезды на фиолетовых мантиях волшебников в книжках и белые душистые цветы на темно-зеленой листве поздним вечером в парке, как устроены стрекозиные крылья и паутины, как сделаны китайские веера из шелка и перламутра, почему запах чабреца выворачивает душу наизнанку, почему мне хочется плакать, когда я вижу малиновую луговую гвоздичку-«часики», отчего так печальна кукушка, чем отличаются песни кузнечиков, сверчков и цикад, о чем говорит море в маленькой серой рапане - и о чем в большой полированной розовой раковине с рогами, если поднести ее к уху. Мне еще есть, о чем поспрашивать мир и Большую советскую энциклопедию.

Задание 2.

Прочитайте стихотворения трех поэтов под одним названием «Музыка». Почему каждый из них выбрал для стихотворения как центральный образ того или иного музыкального инструмента? Какие художественные средства использованы для создания образа конкретного инструмента в каждом стихотворении?

Борис Пастернак. Музыка

Дом высился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижалей
На каменное плоскогорье.

И вот в гостиной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,

Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.

1956

Андрей Дементьев. Музыка

Послушайте симфонию весны.
Войдите в сад,
Когда он расцветает,
Где яблони,
Одетые цветами,
В задумчивость свою погружены.
Прислушайтесь...
Вот начинают скрипки

На мягких удивительных тонах.
О, как они загадочны и зыбки,
Те звуки,
Что рождаются в цветах!
А скрипачи...
Вон сколько их!
Взгляните...
Они смычками зачертили сад.
Мелодии, как золотые нити,
Над крыльями пчелиными дрожат.
Здесь все поет...
И ветви, словно флейты,
Неистово пронзают синеву...
Вы над моей фантазией не смейтесь.
Хотите, я вам «ля мажор» сорву?

Булат Окуджава. Музыка

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают, то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле стягиваются моем.

И музыка передо мной танцует гибко,
и оживает все до самых мелочей:
пылинки виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!

Ночной комар, как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то томик,
и на колени падает старик,

и каждый жест велик, как расстоянье,
и веточка умершая жива, жива...
И стыдно мне за мелкие мои старанья
и за непоправимые слова.

...Вот сила музыки. Едва ли
поспоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет, кричит неведомо кому:
«Куда вы все?! Да разве в этом дело?!»
А в чем оно? Зачем оно? К чему?!

...Вот чёрт, как ничего еще не надоело!

Количество баллов – 30.

**Всероссийская олимпиада школьников
по литературе**

**Муниципальный этап
10 класс**

**Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 270 минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля. Максимальное количество баллов – 100.

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа Андрея Платонова «Любовь к родине, или путешествие воробья (Сказочное происшествие)»

При анализе можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

9. Почему автор относит произведение к жанру сказки?

10. Почему у «сказочного происшествия» печальный финал?

11. Какие философские проблемы подняты в этом произведении?

12. Почему старый музыкант играет именно около памятника Пушкину?

Количество баллов – 70.

Старый скрипач-музыкант любил играть у подножия памятника Пушкину. Этот памятник стоит в Москве, в начале Тверского бульвара, на нем написаны стихи, и со всех четырех сторон к нему поднимаются мраморные ступени. Поднявшись по этим ступеням к

самому пьедесталу, старый музыкант обращался лицом на бульвар, к дальним Никитским воротам, и трогал смычком струны на скрипке. У памятника сейчас же собирались дети, прохожие, чтецы газет из местного киоска, - и все они умолкали в ожидании музыки, потому что музыка утешает людей, она обещает им счастье и славную жизнь. Футляр со своей скрипки музыкант клал на землю против памятника, он был закрыт, и в нем лежал кусок черного хлеба и яблоко, чтобы можно было поесть, когда захочется.

Обыкновенно старик выходил играть под вечер, по первому сумраку. Для его музыки было полезней, чтоб в мире стало тише и темней. Беды от своей старости он не знал, потому что получал от государства пенсию и кормился достаточно. Но старик скучал от мысли, что он не приносит людям никакого добра, и поэтому добровольно ходил играть на бульвар. Там звуки его скрипки раздавались в воздухе, в сумраке, и хоть изредка они доходили до глубины человеческого сердца, трогая его нежной и мужественной силой, увлекавшей жить высшей, прекрасной жизнью. Некоторые слушатели музыки вынимали деньги, чтобы подарить их старику, но не знали, куда их положить: футляр от скрипки был закрыт, а сам музыкант находился высоко на подножии памятника, почти рядом с Пушкиным. Тогда люди клали гривенники и копейки на крышку футляра. Однако старик не хотел прикрывать свою нужду за счет искусства музыки; пряча скрипку обратно в футляр, он осыпал с него деньги на землю, не обращая внимания на их ценность. Уходил домой он поздно, иногда уже в полночь, когда народ становился редким, и лишь какой-нибудь случайный одинокий человек слушал его музыку. Но старик мог играть и для одного человека и доигрывал произведение до конца, пока слушатель не уходил, заплакав во тьме про себя. Может быть, у него было свое горе, встревоженное теперь песнью искусства, а может быть, ему стало совестно, что он живет неправильно, или просто ...

В позднюю осень старик заметил, что на футляр, лежавший, как обычно, поодаль на земле, сел воробей. Музыкант удивился, что эта птичка еще не спит и даже в темноте вечера занята работой на свое пропитание. Правда, за день сейчас трудно накормиться: все деревья уже уснули на зиму, насекомые умерли, земля в городе гола и голодна, потому что лошади ходят редко и дворники враз убирают за ними навоз. Где, на самом деле, питаться в осень и в зиму воробью? Ведь и ветер в городе слаб и скуден меж домами, - он не держит воробья, когда тот простирает утомленные крылья, так что воробью приходится все время ими махать и трудиться.

Воробей, обследовав всю крышку футляра, ничего полезного на ней для себя не нашел. Тогда он пошевелил ножками денежные монеты, взял из них клювом самую мелкую бронзовую копейку и улетел с ней неизвестно куда. Значит, он не даром прилетал - хоть что-нибудь, а взял! Пусть живет и заботится, ему тоже надо существовать.

На другой вечер старый скрипач открыл футляр - на тот случай, что если прилетит вчерашний воробей, так он может покормиться мякотью хлеба, который лежал на дне футляра. Однако воробей не явился, наверно, он наелся где-нибудь в другом месте, а копейка ему не годилась никуда.

Старик все же терпеливо ожидал воробья, и на четвертые сутки он опять увидел его. Воробей без помехи сел на хлеб в футляре и поделовому начал клевать готовую пищу. Музыкант сошел с памятника, приблизился к футляру и тихо рассмотрел небольшую птичку. Воробей был взлохмаченный, головастый, и многие перья его поседели; время от времени он бдительно поглядывал по сторонам, чтобы с точностью видеть врага и друга, и музыкант удивился его спокойным, разумным глазам. Должно быть, этот воробей был очень стар или несчастен, потому что он успел уже нажить себе большой ум от горя, беды и долголетия.

Несколько дней воробей не появлялся на бульваре; тем временем выпал чистый снег и подморозило. Старик, перед тем как идти на бульвар, ежедневно крошил в футляр скрипки мягкий теплый хлеб. Стоя на высоте подножия памятника, играя нежную мелодию, старик постоянно следил взором за своим открытым футляром, за близкими дорожками и умершими кустами цветов на летней клумбе. Музыкант ожидал воробья и тосковал по нем: где он теперь сидит и согревается, что он ест на холодном снегу? Тихо и светло горели фонари вокруг памятника Пушкину, красивые чистые люди, освещенные электричеством и снегом, мягко проходили мимо памятника, удаляясь по своим важным и счастливым делам. Старик играл дальше, скрывая в себе жалкое чувство печали по небольшой усердной птичке, которая жила сейчас где-то и изнемогала.

Но прошло еще пять дней, а воробей все не прилетал гостить к памятнику Пушкину. Старый скрипач по-прежнему оставлял для него открытый футляр с крошенным хлебом, однако чувство музыканта уже затомилось от ожидания, и он стал забывать воробья. Старика многое пришлось забыть в своей жизни безвозвратно. И скрипач перестал крошить хлеб, он теперь лежал в футляре целым куском, и только крышку музыкант оставлял открытой.

* * *

В глубине зимы, близ полуночи, началась однажды поэмка. Старик играл последней вещью "Зимнюю дорогу" Шуберта и собирался затем уходить на покой. В тот час из середины ветра и снега появился знакомый седой воробей. Он сел тонкими, ничтожными лапками на морозный снег; потом походил немного вокруг футляра, задуваемый по всему телу вихрями, но равнодушный к ним и безбоязненный, - и перелетел внутрь футляра. Там воробей начал клевать хлеб, почти зарывшись в его теплую мякоть. Он ел долго, наверно целых полчаса времени; уже метель почти полностью засыпала помещением футляра, а воробей все еще шевелился внутри снега, работая над своей пищей. Значит,

он умел наедаться надолго. Старик подошел к футляру со скрипкой и смычком и долго ожидал среди вихря, когда воробей освободит футляр. Наконец воробей выбрался наружу, почистился в маленьком снежном сугробе, кратко проговорил что-то и убежал пешком к себе на ночлег, не захотев лететь по холодному ветру, чтобы не тратить напрасно свою силу.

На следующий вечер тот же воробей опять прибыл к памятнику Пушкину; он сразу же опустился в футляр и стал клевать готовый хлеб. Старик глядел на него с высоты подножия памятника, играл оттуда музыку на скрипке и чувствовал добро в своем сердце. В этот вечер погода стояла тихая, словно усталая после вчерашней едкой поземки. Наевшись, воробей высоко взлетел из футляра и пробормотал в воздухе небольшую песню...

Утром долго не светало. Проснувшись в своей комнате, музыкант-пенсионер услышал пение вьюги за окном. Морозный, жесткий снег несся по переулку и застил дневной свет. На оконное стекло еще ночью, во тьме, легли замороженные леса и цветы неизвестной волшебной страны. Старик стал любоваться этой воодушевленной игрою природы, точно природа тоже томилась по лучшему счастью, подобно человеку и музыке.

Идти играть на Тверской бульвар сегодня уже не придется. Сегодня поет буря, и звуки скрипки будут слишком слабы. Все же старик под вечер оделся в пальто, обвязал себе голову и шею шалью, накрошил хлеба в карман и вышел наружу. С трудом, задыхаясь от затвердевшего холода и ветра, музыкант пошел по своему переулку к Тверскому бульвару. Безлюдно скрежетали обледенелые ветви деревьев на бульваре, и сам памятник уныло шелестел от трущегося по нем летящего снега. Старик хотел положить хлебные комки на ступеньку памятника, но увидел, что это бесполезно: буря тотчас же унесет хлеб, и снег засыплет его. Все равно музыкант оставил на ступени свой хлеб и видел, как он исчез в сумраке бури.

Вечером музыкант сидел дома один; он играл на своей скрипке, но некому было его слушать, и мелодия звучала плохо в пустоте комнаты, она трогала лишь одну-единственную душу скрипача, а этого было мало, или душа его стала бедной от старости лет. Он перестал играть. На улице шел поток урагана, - худо, наверно, теперь воробьям. Старик подошел к окну и послушал силу бури сквозь замороженное стекло. Неужели седой воробей и сейчас не побойтся прилететь к памятнику Пушкину, чтобы поесть хлеба из футляра?

* * *

Седой воробей не испугался снежного урагана. Только он не полетел на Тверской бульвар, а пошел пешком, потому что внизу было немного тише и можно укрываться за местными сугробами снега и разными попутными предметами.

Воробей тщательно обследовал всю окрестность вокруг памятника Пушкину и даже порылся ножками в снегу, где обыкновенно стоял открытый футляр с хлебом. Несколько раз он пытался взлететь с подветренной стороны на голые, обдутые ступени памятника, чтобы поглядеть, не принес ли туда ураган каких-нибудь крошек или старых зерен; их можно было бы поймать и проглотить. Однако буря сразу брала воробья, как только он отрывался от снега, и несла его прочь, пока он не ударялся о ствол дерева или трамвайную мачту, и тогда воробей поскорее падал и зарывался в снег, чтобы согреться и отдохнуть. Вскоре воробей перестал надеяться на пищу. Он разгреб поглубже ямку в снегу, сжался в ней и задремал: лишь бы ему не замерзнуть и не умереть, а буря когда-нибудь кончится. Все-таки спал воробей осторожно, чутко, следя во сне за действием урагана. Среди сна и ночи воробей заметил, что снежный бугор, в котором он спал, пополз вместе с ним, а затем весь снег вокруг него обвалился, рассеялся, и воробей остался один в урагане.

Воробья понесло вдаль, на большой пустой высоте. Здесь даже снега не было, а только голый чистый ветер, твердый от собственной сжатой силы. Воробей подумал, свернулся потеснее своим телом и заснул в этом урагане.

Выспавшись, он проснулся, но буря по-прежнему несла его. Воробей уже немного освоился жить в урагане, ему было даже легче сейчас существовать, потому что он не чувствовал тяжести своего тела и не нужно было ни ходить, ни летать, ни заботиться о чем-либо. Воробей огляделся в сумраке бури, ему хотелось понять, какое сейчас время: день или ночь. Но увидеть свет или тьму сквозь сумрак он не сумел и опять съежился и уснул, стараясь сберечь тепло хотя бы внутри себя, а перья и кожа пусть остывают.

Когда воробей проснулся во второй раз, его все еще несла буря. Он стал теперь уже привыкать к ней, только его брала забота о пище. Холода воробей сейчас не чувствовал, зато и тепла не было, - он лишь дрожал в этом сумраке и потоке пустого воздуха. Воробей снова сжался, стараясь не сознавать ничего, пока ураган не обойдется.

Проснулся воробей на земле, в чистой и теплой тишине. Он лежал на листьях большой зеленой травы. Неизвестные и невидимые птицы пели долгие, музыкальные песни, так что воробей удивился и послушал их некоторое время. Затем он убрал и почистил свои перья после вьюги и пошел кормиться.

Здесь, наверно, шло вечное лето, и пищи поэтому было много. Почти каждая трава имела на себе плоды. На стеблях меж листьями висели либо колосья с зернами, либо мягкие стручки с мелкими пряными лепешками, либо открыто росла крупная сытная ягода. Воробей клевал весь день, пока ему не стало стыдно и отвратительно, он опомнился и перестал есть, хотя мог бы покушать еще немного.

Проспав ночь на травяном стебле, воробей с утра опять начал питаться. Однако он съел теперь немного. Вчера от сильного голода он не заметил вкуса пищи, а сегодня почувствовал, что все плоды

трав и кустарников были слишком сладкими либо, наоборот, горькими. Но зато в плодах содержалась большая питательность, в виде густого, почти опьяняющего жира, и воробей на второй же день слегка пополнил и залоснился. А ночью его стала мучить изжога, и тогда воробей затосковал по привычной кислоте простого черного хлеба; его мелкие кишки и желудок заскулили от ощущения теплой, темной мякоти в футляре музыканта у памятника Пушкину.

Вскоре воробей стал вовсе печальным на этой летней, мирной земле. Сладость и обилие пищи, свет воздуха и благоухание растений не привлекали его. Бродя в тени зарослей, воробей нигде не встретил ни знакомого, ни родственника: тут воробьи не жили. Местные, тучные птицы имели разноцветные, красивые перья; они обыкновенно высоко сидели на древесных ветвях и пели оттуда прекрасные песни, словно из их горла происходил свет. Ели эти птицы редко, потому что достаточно было склевать одну жирную ягоду в траве, чтобы насытиться на весь день и на всю ночь.

Воробей стал жить в одиночестве. Он постепенно облетал всю здешнюю страну, поднимаясь от земли чуть выше кустарника, и повсюду наблюдал густые рощи трав и цветов, толстые низкие деревья, поющих, гордых птиц и синее, безветренное небо. Даже дожди здесь шли только по ночам, когда все спали, чтобы ненастье не портило никому настроения.

Спустя время воробей нашел себе постоянное место для жизни. Это был берег ручья, покрытый мелкими камнями, где ничего не росло, где земля лежала более скудной и неудобной.

В береговой расщелине там еще жила одна змея, но у нее не было яда и зубов, она питалась тем, что глотала влажную почву, как червь, - и мелкие земляные животные оставались у нее внутри, а сжеванная земля исходила обратно прочь. Воробей подружился с этой змеей. Он часто являлся к ней и смотрел в ее темные, приветливые глаза, и змея тоже глядела на воробья. Затем воробей

уходил, и ему становилось легче жить в одиночестве после свидания со змеей.

Вниз по течению ручья воробей увидел однажды довольно высокую, голую скалу. Он взлетел на нее и решил ночевать здесь, на возвышенном камне, каждую ночь. Воробей надеялся, что когда-нибудь настанет буря и она сорвет его, спящего, с камня и унесет обратно домой, на Тверской бульвар. Первую ночь спать на прохладной скале было неудобно, однако на вторую ночь воробей уже привык и спал на камне, глубоко, как в гнезде, согреваемый надеждой на бурю.

* * *

Старый музыкант понял, что седой, знакомый воробей погиб навсегда в зимнем урагане. Снегопад, холодные дни и вьюги часто не позволяли старику выходить на Тверской бульвар для игры на скрипке.

В такие дни музыкант сидел дома, и его единственным утешением было смотреть на замороженное оконное стекло, где складывалась и разрушалась в тишине картина заросшей, волшебной страны, населенной, вероятно, одними поющими птицами. Старый человек не мог предположить, что его воробей живет сейчас в теплом, цветущем краю и спит по ночам на высоком камне, подставив себя под ветер... В феврале месяце музыкант купил себе в зоологическом магазине на Арбате маленькую черепаху. Он читал когда-то, что черепахи живут долго, а старик не хотел, чтобы то существо, к которому привыкнет его сердце, погибло раньше его. В старости душа не заживает, она долго мучается памятью, поэтому пусть черепаха переживет его смерть.

Живя вместе с черепахой, музыкант стал ходить к памятнику Пушкину совсем редко. Теперь он каждый вечер играл дома на скрипке, а черепаха медленно выходила на середину комнаты, вытягивала худую, длинную шею и слушала музыку. Она поворачивала голову немного в сторону от человека, точно для того,

чтобы лучше было слышать, и один ее черный глаз с кротким выражением смотрел на музыканта. Черепаха, наверно, боялась, что старик перестанет играть и ей опять станет скучно жить одной на голом полу. Но музыкант играл для черепахи до поздней ночи, пока черепаха не клала свою маленькую голову на пол в усталости и во сне. Дождавшись, когда у черепахи закроются глаза морщинами век, старик прятал скрипку в футляр и сам тоже ложился на покой. Но музыкант спал худо. В теле его то постреливало где-нибудь, то щемило, то заходило сердце, и он часто вдруг просыпался в страхе, что умирает. Обыкновенно оказывалось, что он еще живой и за окном, в московском переулке, продолжалась спокойная ночь. В марте месяце, проснувшись от замиранья сердца, старик услышал могучий ветер; стекло в окне оттаяло: ветер, наверно, дул с юга, с весенней стороны. И старый человек вспомнил про воробья и пожалел его, что он умер: скоро будет лето, на Тверском бульваре снова воскреснут деревья и воробей пожил бы еще на свете. А на зиму музыкант взял бы его к себе в комнату, воробей подружился бы с черепахой и свободно перенес зиму в тепле, как на пенсии... Старик опять уснул, успокоившись тем, что у него есть живая черепаха и этого достаточно.

Воробей тоже спал в эту ночь, хотя и летел в ураганном южном ветре. Он проснулся только на одно мгновение, когда удар урагана сорвал его с возвышенного камня, но, обрадовавшись, сейчас же уснул вновь, сжавшись потеплее своим телом. Проснулся воробей уже засветло; ветер нес его могучей силой в далекую сторону. Воробей не боялся полета и высоты; он пошевелился внутри урагана, как в тяжелом, вязком тесте, проговорил сам для себя кое-что и почувствовал, что хочет есть. Воробей огляделся с осторожностью и заметил вокруг себя посторонние предметы. Он их тщательно рассмотрел и узнал: то были отдельные тучные ягодки из теплой страны, зерна, стручки и целые колосья, а немного подальше от воробья летели даже целые кусты и древесные ветви. Значит,

ветер взял с собою не одного его, воробья. Маленькое зерно мчалось совсем рядом с воробьем, но схватить его было трудно, благодаря тягости ветра: воробей несколько раз высовывал клюв, а достать зерна не мог, потому что клюв упирался в бурю, как в камень. Тогда воробей начал вращаться вокруг самого себя: он перевернулся ножками кверху, выпустил одно крыло, и ветер сразу снес его в сторону – сначала к близкому зерну, и воробей враз склевал его, а потом воробей пробрался и к более дальним ягодам и колосьям. Он накормил себя досыта и, кроме того, научился, как нужно передвигаться почти поперек бури. Покушав, воробей решил заснуть. Ему сейчас было хорошо: обильная пища летела рядом с ним, а холода или тепла среди урагана он не чувствовал. Воробей спал и просыпался, а проснувшись, опять ложился по ветру ножками кверху, чтобы дремать на покое. В промежутках меж одним сном и другим он сытно кормился из окружающего воздуха; иногда какая-либо ягода или стручок со сладкой начинкой вплотную прибивались к телу воробья, и тогда ему оставалось только склевать и проглотить эту пищу. Однако воробей побаивался, что ветер когда-нибудь перестанет дуть, а он уже привык жить в буре и обильно питаться из нее. Ему не хотелось больше добывать себе корм на бульварах постоянным хищничеством, зябнуть по зимам и бродить пешком по пустому асфальту, чтобы не тратить сил на полет против ветра. Он жалел только, что нет среди всего этого могучего ветра крошек кислого черного хлеба, – летит одна лишь сладость или горечь. К счастью для воробья, буря шла долго, и, просыпаясь, он снова чувствовал себя невесомым и пробовал напевать сам себе песню от удовлетворения жизнью.

* * *

В весенние вечера старый скрипач выходил играть к памятнику Пушкину почти ежедневно. Он брал с собою черепаху и ставил ее на лапки возле себя. Во все время музыки черепаха неподвижно слушала скрипку и в перерывы игры терпеливо ждала

продолжения. Футляр от скрипки по-прежнему лежал на земле против памятника, но крышка футляра была теперь постоянно закрыта, потому что старик уже не ожидал к себе в гости седого воробья.

В один из погожих вечеров начался ветер со снегом. Музыкант спрятал черепаху за пазуху, сложил скрипку в футляр и пошел на квартиру. Дома он, по обыкновению, накормил черепаху, а затем поместил ее на покой в коробку с ватой. После того старик хотел взяться за чай, чтобы согреть желудок и продлить время вечера. Однако в примусе не оказалось керосина и бутылка тоже была пустая. Музыкант пошел покупать керосин на Бронную улицу. Ветер уже прекратился; падал слабый, влажный снег. На Бронной продажу керосина закрыли на переучет товара, поэтому старику пришлось идти к Никитским воротам.

Закупив керосин, скрипач направился обратно домой по свежему, тающему снегу. Два мальчика стояли в воротах старого жилого дома, и один из них сказал музыканту:

– Дядя, купи у нас птицу... Нам на кино не хватает!

Скрипач остановился.

– Давай, – сказал он. – А где вы ее взяли?

– Она сама с неба на камни упала, – ответил мальчик и подал птицу музыканту в двух сложенных горстях.

Птица, наверно, была мертвая. Старик положил ее в карман, уплатил мальчику двадцать копеек и пошел дальше.

Дома музыкант вынул птичку из кармана на свет. Седой воробей лежал у него в руке; глаза его были закрыты, ножки беспомощно согнулись, и одно крыло висело без силы. Нельзя понять, обмер ли воробей на время или навечно. На всякий случай старик положил воробья себе за пазуху под ночную рубашку – к утру он либо отогреется, либо никогда более не проснется.

Напившись чаю, музыкант бережно лег спать на бок, не желая повредить воробья.

Вскоре старик задремал, но сразу же проснулся: воробей пошевелился у него под рубашкой и клевнул его в тело. «Живой! – подумал старый человек. – Значит, сердце его отошло от смерти!» – и он вынул воробья из теплоты под свою рубашкой.

Музыкант положил ожившую птичку на ночлег к черепахе. Она спала в коробке, – там лежала вата, там воробью будет мягко. На рассвете старик окончательно проснулся и посмотрел, что делает воробей у черепахи.

Воробей лежал на вате тонкими ножками кверху, а черепаха, вытянув шею, смотрела на него добрыми, терпеливыми глазами. Воробей умер и забыл навсегда, что он был на свете.

Вечером старый музыкант не пошел на Тверской бульвар. Он вынул скрипку из футляра и начал играть нежную, счастливую музыку. Черепаха вышла на середину комнаты и стала кротко слушать его одна. Но в музыке не доставало чего-то для полного утешения горящего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал.

Задание 2.

Прочитайте стихотворения трех поэтов под одним названием «Музыка». Почему каждый из них выбрал для стихотворения как центральный образ того или иного музыкального инструмента? Какие художественные средства использованы для создания образа конкретного инструмента в каждом стихотворении?

Борис Пастернак. Музыка

Дом высился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижаль
На каменное плоскогорье.

И вот в гостинной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир

На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.
1956

Андрей Дементьев. Музыка

Послушайте симфонию весны.
Войдите в сад,
Когда он расцветает,
Где яблони,
Одетые цветами,
В задумчивость свою погружены.
Прислушайтесь...
Вот начинают скрипки
На мягких удивительных тонах.
О, как они загадочны и зыбки,
Те звуки,
Что рождаются в цветах!
А скрипачи...
Вон сколько их!
Взгляните...
Они смычками зачертили сад.
Мелодии, как золотые нити,
Над крыльями пчелиными дрожат.
Здесь все поет...
И ветви, словно флейты,
Неистово пронзают синеву...

Вы над моей фантазией не смейтесь.
Хотите, я вам «ля мажор» сорву?

Булат Окуджава. Музыка

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают, то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле стягиваются моем.

И музыка передо мной танцует гибко,
и оживает все до самых мелочей:
пылинки виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!

Ночной комар, как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то томик,
и на колени падает старик,

и каждый жест велик, как расстояние,
и веточка умершая жива, жива...

И стыдно мне за мелкие мои старанья
и за непоправимые слова.

... Вот сила музыки. Едва ли
поспоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет, кричит неведомо кому:
«Куда вы все?! Да разве в этом дело?!»

А в чем оно? Зачем оно? К чему?!

...Вот чёрт, как ничего еще не надоело!

Количество баллов – 30.

**Всероссийская олимпиада школьников
по литературе**

**Муниципальный этап
11 класс**

Инструкция по выполнению работы

Время выполнения работы – 270 минут.

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 100.

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа Н.Берберовой «Твердый знак»

При анализе можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

13. Почему в рассказе почти нет фабулы? Как соотносятся фабула и сюжет рассказа?

14. Какой предстаёт старость в этом рассказе

15. Почему в рассказе не названы герои, которым принадлежат голоса других людей?

16. Как Вы понимаете название рассказа?

Количество баллов – 70.

Кто-то как будто ходил по квартире, словно нарочно, чтобы напугать Александра Львовича, чтобы он, проснувшись, обмер, чтобы все утро было испорчено этим испугом. Как он ни крепился, сердце захолонуло: шаги раздавались в столовой. Входную дверь он вечером запер, он это помнил, но черный ход? но окно? «Ах нервы,

нервы!» Это трубочисты работают в соседней квартире. Как надо быть осторожным, как надо беречься, сколько неожиданных неприятностей подстерегает нас в жизни!

Шлепанцы, халат, взъерошенные полуседые волосы, дыра во рту сбоку — это так, для себя. Если кто-нибудь звонит, сейчас же выкидывается из шкафа малиновая, в ястребах, шелковая хламида, сафьяновые туфли, душистой щеткой приглаживаются волосы, вставляется зуб. И Александр Львович идет к дверям со сладчайшей улыбкой, слегка заводя правую ногу, накрутив на палец перстень. Племянница, швейцарихи разносит почту, или это прачка, или итальянка пришла убирать квартиру. Один раз явилась пожилая, с умным лицом шестидесятницы, горничная дочери с запиской: «Папа, вчера у нас сняли телефон, сегодня запрут электричество. Кроме повара и Берты отпустили всех. Не прошу у тебя денег, но купи персидский ковер из гостиной. За него было заплачено двенадцать тысяч, для тебя уступим за восемь. Шура.»

Надев большие очки, в которых его тоже никто никогда не видел, он садился за стол, под портрет известного деятеля (который бы вероятно очень удивился, узнав куда его повесили), выпивал стакан горячей воды и читал газеты, чтобы было о чем поговорить, если случится. Деловые письма, письма с просьбами, женские письма, он раскладывал по местам. Потом вынималась тетрадь с золотым обрезом: «Мои размышления и звуки». Указательным пальцем левой руки подпирался склеротический висок. В тетрадь записывались вчерашние расходы (завтрак, такси, на чай, цветы, аптека).

И так далее. Стакан горячей воды был выпит за полчаса до кофе и сваренного всмятку яйца. В десять без десяти позвонил телефон, и хриплый мужской голос торопливо, запальчиво, не называя себя, начал убеждать Александра Львовича, что кончится «все это» скандалом, что некоего господина Якубовича уже ищет полиция. «Да кто говорит?» — спросил несколько раз Александр

Львович. «Благожелатель», — ответил голос и повесил трубку. Александр Львович решил быть с Якубовичем впредь осторожнее.

Он одевался довольно долго; сверкая ногтями, благоухающий и какой-то весь осторожный: не запачкаться бы, не наступить бы куда, не увидеть бы чего некрасивого (да и не рассыпаться бы), вышел на улицу. Брюнеточка сидела у окна. «Она без меня прямо жить не может», — подумал Александр Львович и ослабилась. День был самый обыкновенный, жаркий летний день в городе. Рукой в светлой перчатке снимал Александр Львович трость, монокль придавал его лицу что-то свирепое, борода едва седела, жесткая и острая. Ему казалось, что борода его — это нечто такое, без чего русского парижанина себе и представить невозможно, как невозможно представить себе без нее довоенного Петербурга. «Мы донесли, — сказал он однажды, и тридцать один человек, затаив дыхание, слушали его, и он протянул руку к окну, где мигала огнями Эйфелева башня, — мы донесли до нее, что у нас было: наш твердый знак!» Но в душе в эту минуту он, конечно, думал про бородавку.

В редакции русской газеты, куда он приехал и где надпись «просят на пол не плевать» относилась и к нему, на что он в душе возмутился, он назвал свою фамилию, и его попросили обождать. Ждал он довольно долго, стараясь не кипеть, сохранить крови ее обычный ход, словом если не с пользой проводить время, то хоть без вреда. Ждал он довольно долго потому, что, во-первых, было еще рано, а во-вторых, в соседней комнате два человека промеж себя спорили, как с ним быть: один говорил — надо его послать к черту немедленно, а другой, что его надо послать к черту, но не сразу.

Наконец, его попросили войти. Он, прежде всего, осведомился, хорошо ли его приняли и кто он. «Да, да, — ответил ему скучный человек в очках, — что угодно?» Александр Львович сел, утвердив на столе свою шляпу изнанкой вверх, и она вдруг показала миру свою роскошную внутренность: белый атлас, золотой росчерк

фирмы, эмалевые инициалы. Он попросил напечатать на видном месте письмо в редакцию о том, что три дня тому назад упомянутый в газете Александр Красноверов (без постоянного местожительства), высылаемый из Франции за разные непотребства, ничего не имеет общего с ним, присяжным поверенным А. Красноперовым.

— Да ведь там вэ-э-э-э, — протянул скучный человек, — а здесь пэ-э-э-э.

— Жизнь состоит из деталей, — и он выплюнул из глаза монокль. Но напечатать письмо ему отказали.

Посмотрев на себя мельком в зеркало над комодом, он вышел. После него в коридоре остался запах персидской сирени, которой он душился вот уже сорок лет.

День был самый обыкновенный, один из 365 дней, может быть 210-ый, или какой другой. Дел у Александра Львовича не было никаких, — дела за него делали другие: покупали, продавали, попридерживали. Позавтракал он как всегда с пользой, встречая кого надо. Лакей его знал, в летнее время с террасы отгонял от него случайных нищих, за что он щедро давал ему на чай. Лакей доставлял ему сведения об обедающих дамах. «Ни по чем, — говорил он, — господин Красноперов, здесь никакой почвы нет. Не стоит терять сил и здоровья». Или: «Все данные за и против. Предоставьте нам». (Это значило, что может быть удача, и «против» говорилось с разбегу). И Александр Львович, наставив стеклышко, дерзко и властно смотрел на блондинку, ошпыливающую артишок. И такая казалась она особенная, далекая, наверное, привередливая и загадочная... А познакомился — глядишь, все то же: болтовня, скука, деньги. Но отчаиваться не надо: всех перепробуем, всему нарадуемся! Главное, во всем находить удовольствие, как заразы бояться огорчений. Довольно было несчастий: два состояния потерял (в России и в Берлине), жена бросила, дочь ушла, живет «так», сын застрелился после карточного проигрыша. Пора радоваться. Осталось — не так уж и много. Только пожалуйста,

милые европейские правители, не устраиваете новой войнишки; землетрясения, потерпите! Гольфстрем, прошу продолжать во всю!

— Да сколько ему лет? Ей-богу, он для шестидесяти выглядит молодцом, — сказал ему кто-то вслед, когда он вышел из ресторана. И правда, хоть он и говорил, что ему 54, для шестидесяти одного года он был моложав, прям, старался плечам придавать при походке упругость, вообще крепился вовсю, поддерживая, когда случалось, разговоры о плавании, теннисе, о солнце, море, новых, в последнее десятилетие появившихся худощавых стриженных женщинах (на деле предпочитая вялых, роскошных особ, никогда не бравших в руки ни весла, ни ракетки), говорил о театре (в мыслях держа «Птичек певчих» и «Даму от Максима»). О том, что после завтрака он дома спит, а перед тем снимает трубку телефона, долго громко зевает, охает, крихтя и сморкаясь, никто не догадывался. Засыпал он обычно что-то блаженно высчитывая, и так устраивались его дела в последнее время, что всегда хватало, и оставалось, и все были довольны, и еще благодарили его.

Положительно ничего неприятного не должно было существовать на свете. Все неприятности он решил раз навсегда отменить. Если начать вспоминать, может испортиться эта форма, в которую он вдвинул себя. Третьего дня, например, он стоял у одного дома на набережной. У него была полная уверенность в том, что из знакомого окна третьего этажа ему сбросят ключ. Во-первых, как ему казалось, он поймал один взгляд — более удивленный, чем обещающий. Во-вторых, он ловко всунул в шелковую сумочку письмецо. И окно, действительно, открылось. Он перешел через улицу и в ту минуту, как он вступал на тротуар, его сверху облили. Это была вода, в этом не могло быть никаких сомнений. И теперь он старался забыть об этом.

Обыкновенный день, 219-ый, скажем, старался пробиться, досадить ярким светом, сквозь ставни. Александр Львович завел глаза, потянул носом. В одиночестве он разрешал себе храп.

Обыкновенно, под вечер, он шел пройтись и гуляя по улицам очень часто жалел, что неудобно носить с собой «Размышления и звуки», многое встречалось такого, что нужно бы было записать. Для гладкости жизни мешали на закате слишком ярко блиставшие стекла автомобилей. «Вот вы все боретесь с шумами, — писал он на прекраснейшем французском языке в письме, адресованном префекту парижской полиции (и подписанном „Русский гость“), — а не боретесь с резкостью света, весьма часто неприятно действующего на прохожих». Он любил писать письма, и обычно, суть в них так и не успевал выразить, все пробавляясь каким-то подобием сути. «Дорогая Вера Михайловна, я пишу вам „дорогая“, хотя должен был бы написать „милая“, по многим причинам, о которых вы вероятно догадываетесь...». «Досточтимый Август Федорович, я вчера лицезрел Якубовича по вашему делу, и должен вам спешно сообщить, что ничего еще не могу вам сказать положительного», — и еще, и еще, страницы две, а то и три, и никак нельзя было доискаться: приехало ли «вышеозначенное лицо», или уехало, и кто кого будет ждать, и от него ли были вчера хризантемы, — так он умел наплести.

Гуляя, он доходил до улицы, где высоко, как птица в клетке, непроницаемая в своей веселости, пышности и здоровье, жила Жермена. Три раза в неделю он поднимался к ней, в остальные дни посещал то общественно-благотворительное учреждение, в котором был председателем, и которое помещалось в двух темноватых комнатах, где от четырех до шести сидел и дымил самокрутками секретарь почтенных лет, с которым Александр Львович не всегда здоровался за руку. Жермена выпроваживала гостей за полчаса до его прихода: то это была подруга, то возлюбленный, то прибывшая из провинции мамаша. Что он делал у нее — сказать трудно. Во всяком случае, он расплачивался деньгами и подарками, ни о чем не спрашивал, и целовал ее на прощание в лоб. А она, как только он уходил, заваливалась спать до вечера, когда опять кого-то ждала, с

коньяком, ликерами, словом со всем тем, что несомненно было для Александра Львовича вредно.

Спадала жара. Садилось солнце. Постукивая тростью, он возвращался домой, провожая глазами женщин, останавливаясь перед витринами магазинов белья и готового платья. «Как изящна жизнь, — думал он, — и как изящно живу я сам, надо только стараться не замечать уродств. Вот идет деревяшка. Пусть идет себе, отвернемся. Какое потное лицо». И он сейчас же переходил через улицу.

Вечером, в уютном кабинете, начинались телефонные разговоры. Лампа под низким абажуром, шкура под ногами, цветы в вазе. «Ах, дорогая, приезжайте сейчас ко мне, сердце мое бездонно бьется». В телефоне слышался сдавленный смех.

Сжав челюсти, застегнувшись на все пуговицы, он подходил к окну, кашлял, бодрился. Там, напротив, в окне, он искал брюнеточку. Двор пуст и гулок. Невидимый во мраке человек простучал цинковым ведром, грохнул мусор в мусорный ящик; пахло городом, летом, пыльной ночью. В небе было темно; там где-то крепко и прочно сидели звезды. К звездам у него было всяческое сочувствие. Он думал: не замечать, презирать, выдумать что-нибудь, от чего все ахнут. Скользить. И нечего вспоминать, перетряхивать, пересыпать в памяти какие-то неудачи: возможное мошенничество Якубовича, утренних трубочистов, все вырванные из его ладоней женские руки, удар по зубам в такси однажды, и еще раньше — или нет, совсем недавно — хохочущий голос в фойе театра: он сказал что-то такое политическое и о том, кого пускать и кого не пускать куда-то. Открылся молодой женский малиновый рот с ослепительным полукругом зубов. Кругом стояли и слушали люди:

— Скорей, торопитесь! Не то вас упразднят! Стараетесь во всю, ведь таких как вы никогда больше не будет!.. Вы уже и сейчас не нужны никому, как твердый знак, да, да, напрасно вы так бережно

везли его за собой вокруг земного шара! Ах, если бы вас можно было надеть, как бабочку, на булавку!.. (1933)

Задание 2.

Прочитайте стихотворения трех поэтов под одним названием «Музыка». Почему каждый из них выбрал для стихотворения как центральный образ того или иного музыкального инструмента? Какие художественные средства использованы для создания образа конкретного инструмента в каждом стихотворении?

Борис Пастернак. Музыка

Дом высылся, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижалей
На каменное плоскогорье.

И вот в гостиной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.
1956

Андрей Дементьев. Музыка

Послушайте симфонию весны.
Войдите в сад,
Когда он расцветает,
Где яблони,

Одетые цветами,
В задумчивость свою погружены.
Прислушайтесь...
Вот начинают скрипки
На мягких удивительных тонах.
О, как они загадочны и зыбки,
Те звуки,
Что рождаются в цветах!
А скрипачи...
Вон сколько их!
Взгляните...
Они смычками зачертили сад.
Мелодии, как золотые нити,
Над крыльями пчелиными дрожат.
Здесь все поет...
И ветви, словно флейты,
Неистово пронзают синеву...
Вы над моей фантазией не смейтесь.
Хотите, я вам «ля мажор» сорву?

Булат Окуджава. Музыка

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают, то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле стягиваются моем.

И музыка передо мной танцует гибко,
и оживает все до самых мелочей:
пылинка виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!

Ночной комар, как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то томик,
и на колени падает старик,

и каждый жест велик, как расстоянье,
и веточка умершая жива, жива...

И стыдно мне за мелкие мои старанья
и за непоправимые слова.

...Вот сила музыки. Едва ли
поспоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет, кричит неведомо кому:
«Куда вы все?! Да разве в этом дело?!»
А в чем оно? Зачем оно? К чему?!

...Вот чёрт, как ничего еще не надоело!

Количество баллов – 30.

ОМ №00100326